

DOI 10.15393/j9.art.2017.4581

УДК 821.161.1.09

Наталья Викторовна Пращерук*Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Российская Федерация)*

pnv1108@gmail.com

О ФУНКЦИЯХ И СИМВОЛИКЕ СНОВ В ПОВЕСТИ Е. ДОМБРОВСКОЙ «ВЕСНА ДУШИ. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ РАБЫ БОЖИЕЙ АННЫ»

Аннотация. В статье анализируются функции и символика снов в одном из произведений современной духовной прозы — повести Е. Домбровской «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны». Опираясь на традиции православия, автор последовательно выдерживает критерий, разделяющий душевный и духовный аспекты жизни христианина, раскрывает опыт поэтического «очищения сердца». Сны, в трактовке которых писатель следует также святоотеческому учению, выполняют роль образно-символического аналога того, что переживает в своих духовных исканиях героиня. Они есть откровения о смыслах пережитого. Сны носят системный характер, они объединены сквозной темой крестного пути православного человека, сюжетно и структурно включены в аскетическую практику Анны, ее путь поступенного («ступень») стяжания смирения и «даров духовных». Автор избегает «уклонений» в аспекты собственно человеческой душевности: сны лишь отчасти отражают психологическое состояние героини, они становятся знаками Божественного водительства, соотносены с судьбами православия в России. Все сны пронизаны глубокой христианской символикой: в них фигурируют крест, лестница в воздухе, Чаша для Причастия и чаша скорбей, храм, иконы и оклады для икон, образ Спасителя и Богородицы, св. Сергей Радонежский и св. князь Владимир. Ключевое значение имеют лейтмотивные образы *креста, сердца, пролитой крови*. Они читаются как главные ориентиры пути христианина и как залоговые, противоядия от «закваски фарисейской». Сны, являясь вестниками «мира невидимого», напрямую связаны с эпифаническим принципом изображения.

Ключевые слова: духовная проза, святоотеческая традиция, православная аскетика, духовный путь, сны, видения, христианская символика, эпифания

Статья продолжает серию работ, посвященных исследованию литературной аскетической прозы современного московского автора, произведения которого пока мало известны [6]; [7]; [8]. Е. Домбровская — прозаик, эссеист, автор

фундаментальных статей по проблемам православия (в частности, в качестве послушания от своего Духовника, архиепископа Алексия (Фролова), она работала над масштабным трудом — «Словарь христианских понятий», большая часть которого была написана). Самые крупные ее сочинения — это духовная биография собственного рода «Воздыхания окованных. Русская сага», метароман о Чехове и аскетическая повесть «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны»¹. В опубликованных ранее статьях, посвященных этой повести [6]; [7]; [8], речь шла в целом о ее проблематике и поэтике, о жанре, о заголовочном комплексе и собственно об аскетическом опыте самопознания — «очищении сердца», который развернут перед читателем. Важно — и это едва ли не единственный пример в современной литературе, — когда автор четко и последовательно, с опорой на святоотеческую традицию, разделяет душевные и духовные аспекты жизни христианина² и показывает, опираясь на толстовскую «диалектику души» (см. об этом: [12]; [13]), опыт, пережитый обычным человеком.

Повесть возвращает нас к той традиции духовного письма, которая раскрывает внутреннюю брань человека со своими страстями и помыслами. Эта традиция была во многом вытеснена житийным канонам, предполагающим иной ракурс изображения — внешних подвигов и достигнутых состояний святости. Концептуальной установкой, организующей процесс самопознания и познания мира, становится глубокое понимание-переживание святоотеческого принципа «определительности» — потребности ума находить Божественные основания (логосы) каждого явления, каждой вещи (см. об этом: [6]; [8]). В этом аспекте по-новому осмысляются характер творческой деятельности человека, природа таланта. Документальность, автобиографичность и прямая отсылка к евангельским и святоотеческим источникам соединяются в тексте с образным словом, мастерством описаний, с погруженностью автора в мир художественной литературы.

В предложенной работе речь идет о снах и видениях, которые, безусловно, несут особую нагрузку в повести: поясняют в образно-символическом ключе все происходящее с героиней. Сюжетно и структурно сны (их описаний насчитывается, если

еще взять во внимание описания снов дочери и других персонажей — больше десятка (а именно 14)) непосредственно включены в аскетическую практику Анны, ее путь поступенного (от «ступеней») стяжания «даров духовных».

Автор очень хорошо знает святоотеческое учение о снах и видениях, о том, с какой осторожностью и при каких условиях человек может обращаться к их интерпретации. Существует целая традиция замечательных сочинений святых отцов, от Иоанна Лествичника до свт. Игнатия (Брянчанинова), в которых подробно и обстоятельно разъясняется природа снов и видений и опасность самостийного «вхождения» в них [1]. Поэтому сны (всегда, а особенно в такого рода литературе) — это чрезвычайно тонкая и сложная материя для анализа. Сразу следует отметить очень сдержанный, почти констатирующий тон описаний. Никакой сентиментальности и умиленности, которые бы свидетельствовали об «уклонениях» автора в аспекты собственно человеческой душевности и характеризовали бы просто психологическое состояние героини. Здесь речь — сугубо о духовном пути и духовной проблематике. В комментариях к произведению Е. Домбровская указывала, что в своих трактовках и прочтениях запомнившихся снов (а повесть, напомним, носит автобиографический характер) она опиралась, в первую очередь, на оценки своего Духовника — архиепископа Алексия (Фролова), известного своей строжайшей аскетической верностью духу Евангелия. По прошествии лет смыслы сновидений, часто прямо пророческие и касающиеся не только собственно судьбы героини, стали еще более очевидными. Св. Николай Сербский (Велимирович), автор фундаментального сочинения «Символы и сигналы», замечал, предвзяв разбор описаний снов в Библии: «Согласно Библии, Елиуй, друг Иова, поучал его: “1. Господь говорит с людьми во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей... тогда Он открывает у человека ухо и запечатлевает Свое наставление, чтобы отвести человека от задуманного дела и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом” (Иов. 33:15–17). Справедливость этих слов была множество раз подтверждена на опыте. <...> Примеры снов-сигналов многочисленны

и в наши дни. Кто имеет уши, чтобы слушать, да слышит! Кто имеет духовный разум, чтобы понимать, да уразумеет! О снах-сигналах, явленных в наши дни, можно написать множество томов»³.

Если же говорить о духовно-литературных традициях, которым следует Е. Домбровская, рассказывая о снах-видениях героини, то, возможно, наиболее типологически близкими являются описания снов монахини Сергии (Клименко)⁴ и видений Таисии Леушинской, рассказанных в «Записках и письмах»⁵. Записки, как известно, предваряются вступлением, в котором прямо говорится о том, что они благословляются свт. Иоанном (Кронштадским) на публикацию с назидательной целью⁶. Предварив наши размышления приведенными сведениями и замечаниями проблемно-методологического характера, приступим к рассмотрению собственно снов.

Все сны пронизаны, одухотворены глубокой христианской образностью и символикой: в них фигурируют крест, лестница в воздухе, Чаша для Причастия и чаша скорбей, храм, иконы и оклады для икон, образ Спасителя и Богородицы, св. Сергей Радонежский и св. князь Владимир и т. п.

Несколько очень ярких описаний связаны главной темой для христианина — темой креста. Первый сон Анна видит в самом начале своего духовного пути, и ему предшествует тяжелое «наваждение бесовское»:

А под утро был сон. Она вдруг увидела большой бронзовый крест, который достался ей от бабушки; он когда-то был храмовым напрестольным крестом, а после разрушения церкви — очень давно это было! — священник отдал эту святыню бабушке, а та завещала Анне. Теперь же ей был показан тот самый крест, как он и был наяву: на стене в молитвенном углу Анны. К подножию креста стекала струйка крови и останавливалась на Голгофе над главой Адама темным рубиновым сгустком...⁷

Так запечатлена истина о пути православного человека как пути всегда крестном. И тут, убежден автор, не может быть разделения на строгий крестonosный евангельский путь для монахов и другой — для мирян. Путь — один, а только образ жизни разный и «нет христианина не подвижника, разумеется, в меру природных сил и возможностей» (63): «Недаром

Духовник так часто повторял в своих проповедях то удивительное и немногим понятное слово: «Запомните, дорогие, <...> достоинство человека восстанавливается на Кресте» (329). Трудно переоценить в этом сне и образ пролитой к подножию креста крови, образовавшей «темный рубиновый сгусток». «Пролитие крови» символизирует выстраданность духовных обретений: только так, а не из прочитанных книжек достигается подлинное смирение — состояние «сокрушенного сердца». Сон коррелирует с эпизодом, когда Духовник не стал говорить с ожидавшей его Анной:

...Духовник резко повернулся к Анне спиной и зашагал от нее, мерно и твердо отстукивая путь своим архиерейским посохом...

Анна осталась стоять, где стояла. Она почувствовала реально и физически осязаемо, увидела, как на вскрытии, своим внутренним зрением, что в ту минуту из сердца ее вытекла живая горячая струя крови. Невероятно? Но это так. Обостряет Господь в особые редкие минуты духовное зрение. Прочувствовав это видение почти хладнокровно, как бы зафиксировав его, постояв еще немного, Анна тоже повернулась к Святым вратам и спокойно зашагала в свою сторону, поражаясь той странной внутренней тишине и даже какой-то благодати, любви, разлившейся в ней...

«Вот когда будешь радоваться...» — вспомнились ей тут слова Духовника, сказанные ей сколько-то лет назад (460).

Христианская символика страданий на кресте, «пролития крови», обретаемой благодати и будущего спасения в глубинном и глобальном смысле связывается с таинством Евхаристии. В повести дается описание сна дочери героини, который прямо трактуется как спасительный, как Господняя помощь человеку, сбившемуся со своего крестного пути. Дочь видит вереницу монахов, выходящих из собора, а впереди — «маму, тоже в черном», торжественно и благоговейно несущую «впереди всей процессии драгоценную Чашу» (239). «Наверное, Господь хотел показать Маше, какие скорби из-за нее несет ее мать...» (239), — замечает повествователь. Сама же дочка признается, что в этой Чаше был ей явлен образ материнских молитв за нее (239). Эта глава с характерным названием «Христос никогда не отдыхает» завершается эпизодом видения чудесного причастия, опять же зеркально коррелирующим

и, если использовать музыкальную терминологию, симфонически усиливающим не только описание сна девочки, но и снов о кресте и пролитой крови:

...когда приняла причастие, она смогла каким-то чудесным образом увидеть, как святая частица Тела Христова проникла в нее и как опустилась она в сердце. Анна видела себя совершенно прозрачной. И явственно — сердце. И сердце ответствовало молитвой — такой, какой Анна никогда не знала и не способна была бы совершить своими усилиями, — ее сердце тихо бурлило, как неумолкаемый и ровный источник, изливая молитву: «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешную»...

Этот источник жил и пел в ней несколько дней... (245).

Все эти эпизоды связаны помимо тематики имеющими ключевое значение сквозными образами-символами: *креста, сердца, пролитой крови*. Они читаются как знаки, как главные ориентиры пути христианина и как залогов, противоядия от «закваски фарисейской». Эта тема в качестве завершающего и очень мощного аккорда в симфоническом звучании связанных между собой снов-видений явлена в страшном сне о признании себя фарисеем. Героиня видит себя распятой, и от нее требуют признания, что она-то и есть фарисей:

«Нет! — кричало ее сердце. — Это неправда! Ни за что! Это всё была клевета». — «Скажи, покайся и признайся, что ты — фарисей». Сколько длилась эта страшная борьба — час или два? — трудно сказать, но, собрав последние силы, Анна, сама не понимая, почему и как, сдалась, и все-таки вдруг прокричала эти страшные для нее слова в самом последнем своем отчаянии: «Ну и пускай: я — фарисей! я — фарисей! я — фарисей...»

И в тот же миг она увидела духовным зрением своего Духовника в полном архиерейском облачении, который медленно приближался к ее кресту и, приблизившись, с великой любовью и светлейшей радостью медленно благословил ее двойным широким архиерейским благословением... (281–282).

Другими словами, только пережив сердечный опыт общения к Истине и постоянно испытывая себя беспощадным судом перед образом Креста и распятия, можно избежать фарисейского каменносердечия, «дебелости сердца», как

любил выражаться свт. Игнатий (Брянчанинов). Потому и благословляет ее Духовник — он видит обретаемые героиней дары смирения.

Тема смирения является цементирующей для всей книги. Собственно, всё, о чем рассказывается в ней, можно охарактеризовать одной из формул-расшифровок к главе: «Между страхом и надеждой» — «в школе сокрушения», прямо выводящей к строкам 50-го Псалма: «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». Потому особое значение в контексте других снов-видений, а также и всей повести в целом имеют сны, раскрывающие эту тему. Они даже графически выделены курсивом и по объему превосходят все ранее упомянутые. Это сны «о тарелочках» и о «шутовском колпаке», окрашенные светлой интонацией надежды на спасение: «Наконец-то стрелки сердечных весов Анны качнулись в сторону надежды» (488).

Сон «о тарелочках» Анна видит в самом начале своего пути, когда только приступает к постижению уроков различного рода «сокрушений». Это своего рода напутствие для новоначальных, которым еще даруется благодать, чтобы сердце запомнило это состояние и человек смог бы пережить обязательные и длительные периоды, когда благодать отымается. Ей снится монах с золотым наперсным крестом — «радостный, светящийся, приветствующий ее какими-то не по-земному красивыми речами». Он преподносит ей корзину с тарелочками:

«Но у меня же ничего нет! — отвечала изумленная Анна. — Чем же я их кормить-то буду?» — во сне Анне почему-то сразу стало ясно, что тарелочки — это люди. А батюшка с улыбкой достал со дна корзинки маленькую луковичку и какую-то хилую морковку: а вот, мол, тебе и провизия твоя, вот и корми... (186).

«Хилая морковка» непосредственно связана с высказыванием Духовника (опредмеченное высказывание), которое он повторял не один год в назидание стремящимся возвыситься над другими, показать себя: «Сиди морковью в ряду других морковок, пока Господь в капусту не пересадит» (179). А «маленькая луковичка» прямо отсылает к луковке из «Братьев Карамазовых»: подать луковку — проявить сострадательную любовь, хоть малую ее толику, и это — пусть малое — движение

сердца может стать спасительным как для подающего, так и для того, кому «маленькая луковичка» подана. Тем самым сон проясняет, кроме ранее указанного, то, как поступать христианину с другими людьми, чем «питать» человека, чтобы поддерживать в нем живую жизнь.

Этот сон вступает в своеобразный диалог с другим, завершающим тему смирения, — сном о шутовском колпаке. Анна видит себя — простоволосую и в послушническом подряснике — сначала рядом со старчиком (старцем), с которым связывает ее особенная родственная нежность, возможная только в духовной жизни, потом — в окружении церковных иерархов, предлагающих ей вместо монашеского клобука — «аккуратно разложенный... длинный белый шутовской колпак», и в завершение сна — картина «метаний» — земных поклонов друг другу Анны и неизвестного, но как будто и хорошо знакомого ей монаха. Сон оставляет светлое впечатление:

Явление двух неизвестных ей старцев: древнего и молодого — утешило и согрело сердце Анны — она почувствовала, что дорога им. А колпак... Уж сколько времени голова ее ждала апостольника... Но теперь вот и колпак ей горячо понравился, как образ надежды, как символ радостного ученичества в школе сокрушения, где Бог помогает душе преодолеть в себе земную греховную тягу, как знак вожденной свободы от тиранства «Саула» в собственном сердце (488–489).

Другими словами, этот сон является свидетельством свыше, что еще одна ступенечка в ее восхождении к Истине взята. Отсюда радость.

Однако последний сон, который автор в переписке называет самым страшным, размыкает, как нам кажется, тему личного пути Анны в пространство церковного мира и церковной жизни, в контекст судебных русской православной Церкви. Героиня видит себя в храме, где все вопиет о страшном, каком-то безнадежном запустении: иконы не чищены, ликов не разглядеть, многие — закрыты, как витринки в галереях, чтобы не выцвели, а потом и вовсе — «огромные для такой маленькой церковки пустые оклады, в которых отсутствуют лики» (504). Внутренним зрением она видит Тех, Кто был

изображен на иконах, но сейчас вместо Них «в окладах только зияет белая штукатурка стен», отчего «ей становится ужасно больно, безысходно-тоскливо» (505). Священник уходит, Анна спешит за ним, но не успевает и остается одна в пустом храме. Можно, по-видимому, прочесть этот сон как пророческий и предупреждающий одновременно — о трагических испытаниях и искушениях, которым может быть подвергнута Церковь, об опасностях ее обмирщения, в частности...

Суммируя наши наблюдения, заметим, что уже первоначальный анализ снов в повести раскрывает их системный характер и масштабность, принципиальную значимость в прочтении духовного пути Анны, соотнесенного с судьбами православия в России. Сны выполняют функцию символически-образного аналога происходящего с героиней и откровения о смыслах этого происходящего. Будучи вестниками мира невидимого, они напрямую связаны с эпифаническим принципом изображения. Теологический термин *эпифания*, означающий «явление Бога», используется сегодня в исследованиях, посвященных художникам особого типа — обостренно яркого восприятия мира, таких, как Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, М. Пруст, Д. Джойс (см. об этом: [5, 130]; [11, 374]; [10, 9]; [9, 47]). В подобном использовании — верном, но все же во многом метафорическом — этот термин лишается главного религиозного значения и трактуется как «эстетический аналог мистического акта, когда художнику внезапно открывается, “излучается” сама “душа” какого-то предмета, случая, сцены, притом не из области возвышенного — что существенно — а из самой обычной окружающей жизни» [11, 374]. Так, О. В. Сливицкая в одной из статей о Толстом замечает:

Искусствоведение последнее время оперирует теологическим понятием *эпифания*. В традиционном понимании — это внезапное озарение, зримое или слышимое проявление божественной силы. Вне религиозного смысла это — моменты бытия, часто привычные, но вдруг увиденные заново. В эти мгновения человек погружается в жизнь со всей полнотой и мощью. Возникает чувство своей причастности ко всему [10, 9].

Далее в качестве примеров исследовательница приводит в одном ряду размышления Умберто Эко о поэтике Джойса

и «Дневники» Александра Шмемана, которые «буквально переполнены эпифаническими моментами» (что вполне понятно, если иметь в виду то, кому принадлежат эти «Дневники». — *Н. П.*), называемыми самим священником «уколами полноты и блаженства», «иконой вечности» [10, 9]. Сюда же О. В. Сливицкая относит и японские хайку, в которых, по ее словам, «непритязательные моменты, что запечатлевают вечность, всплывают из пустоты» [10, 9]. Очевидно, что при выявлении эстетического сходства отмеченных ею явлений совершенно стираются различия их мировоззренческой природы, а само исходное теологическое понятие во многом утрачивает содержательную определенность. Сны в повести Домбровской возвращают нас именно к настоящему смыслу эпифанических явлений, соединяя духовное и художественное, облекая «ощущение и движение духовные» [3, 316], «глубокое и сильное духовное впечатление» [2, 358] в эстетически адекватную форму.

Примечания

- ¹ Домбровская Е. Воздыхания окованных. Русская сара. Ontario: Altaspera Publishing, 2012. 718 с.; Домбровская Е. Путь открылся... Чехов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/avtor/skityanka&book=41#41>; Домбровская Е. Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны. М.: У Никитских ворот, 2016. 512 с.
- ² «По учению Апостола Павла, духовный человек четко отличается от человека душевного. Духовным является тот человек, который имеет в себе действие Святого Духа, тогда как душевным человеком является тот, у кого есть душа и тело, но кто не стяжал Святого Духа, дающего жизнь душе. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может (1 Кор. 2:14–15)» [4, 9].
- ³ Николай Сербский (Велимирович), свт. Символы и сигналы [Электронный ресурс] // Предание.ру / [благотворит. фонд «Предание»]. URL: <http://predanie.ru/nikolay-serbskiy-velimirovich-svyatitel/book/71722-simvol-y-i-signal-y/> (15.05.2017).
- ⁴ См. в книге: Сергия (Клименко), монахиня. «Минувшее разворачивает свиток...». [Б. м.]: ЗАО «Православная инициатива», 2005. С. 87–95. Ср.: Домбровская Е. Видение мытарств монахине Сергии Клименко. Литературный дневник [Электронный ресурс] // Проза.ру. URL: <http://www.proza.ru/diary/skityanka/2015-03-29> (15.05.2017).

- ⁵ Записки и письма игумении Таисии, настоятельницы Леушинского монастыря / [сост. А. Стрижев]. М.: Паломникъ, 2000. 430 с.
- ⁶ «Однажды довелось мне более часа беседовать наедине с общеизвестным нашим светильником о. Иоанном Сергиевым-Кронштадтским. Когда разговорились мы с ним о вышеприведенном предмете, то и он стал доказывать мне необходимость предать записи все бывшие мне явления и видения, каковые, по мнению его, имеют много назидательного смысла и значения, не только единолично для меня самой, но и для других. <...> Бога же призываю в свидетели, что пишу чистую правду и истину, настолько справедливо, насколько доступно передать словом необъяснимое, высшее, и насколько сохранила во мне все сие моя память, без всякой прикрасы, в полной истине» (Записки и письма игумении Таисии... С. 10).
- ⁷ Домбровская Е. Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны. М.: У Никитских ворот, 2016. С. 142–143. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Игнатий (Брянчанинов Д. А.), свт. Слово о чувственном и о духовном видении духов // Игнатий (Брянчанинов Д. А.). Полное собрание творений. — М.: Паломникъ, 2002. — Т. 3. — С. 5–66 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Ignatij-Bryanchaninov/pst-3-5-slovo-o-chuvstvennom-videnii-duhov.html> (15.05.2017).
2. Игнатий (Брянчанинов Д. А.), свт. Собр. соч.: в 7 т. [Репринт. изд. 1886]. — М.: Правило веры, Изд-во Донского монастыря, 1993. — Т. 1: Аскетические опыты. — 568 с.
3. Игнатий (Брянчанинов Д. А.), свт. Собр. соч.: в 7 т. [Репринт. изд. 1886]. — М.: Правило веры, Изд-во Донского монастыря, 1993. — Т. 2: Аскетические опыты. — 412 с.
4. Иерофей (Влахос), митрополит. Православная духовность / пер. с новогреческого. — М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009. — 136 с.
5. Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). — М.: Ad Marginem, 1995. — 548 с.
6. Пращерук Н. В. Аскетический опыт самопознания и проблема творчества: о повести Е. Домбровской «Весна души. Страницы рабы Божией Анны» // Церковь. Богословие. История. — Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2017. — С. 180–186.
7. Пращерук Н. В. В «школе сокрушения»: о современной духовной прозе // Христианство и русская литература. — СПб.: Наука, 2016. — Сб. 8. — С. 401–422.
8. Пращерук Н. В. Опыт «очищения сердца» в святоотеческом понимании: о повести Е. Домбровской «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск:

- ПетрГУ, 2016. — Вып. 14. — С. 441–455 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482829654.pdf (15.05.2017).
9. Пращерук Н. В. Художественный мир прозы И. А. Бунина: язык странства. — Екатеринбург: МУМЦ «Развивающее обучение», Фонд «Созидание», 1999. — 254 с.
 10. Сливацкая О. В. «Человек Толстого» как динамическое тождество // Русская литература. — 2010. — № 4. — С. 3–14.
 11. Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале // Джойс Д. Собр. соч.: в 3 т. — М.: Знак, 1994. — Т. 3: Улисс: Роман. — С. 363–605.
 12. Чернышевский Н. Г. «Детство» и «Отрочество». Военные рассказы графа Л. Н. Толстого // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. — М.: ГИХЛ, 1947. — Т. 3. — С. 418–459.
 13. Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. — Пб.; Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. — 154 с.

Natal'ya V. Prashcheruk

Ural Federal University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

pnv1108@gmail.com

FUNCTIONS AND SYMBOLISM OF DREAMS IN E. DOMBROVSKAYA'S STORY "THE SPRING OF SOUL. LIFE SCENES OF ANN, THE SERVANT OF GOD"

Abstract. The article offers the analysis of functions and symbols in one of the writings of modern spiritual prose, the story "The spring of soul. Life scenes of Ann, the servant of God" by E. Dombrovskaya. Based upon the Orthodox traditions the author gradually follows a criterium that separates spiritual and clerical aspects of a Christian's life, reveals the experience of step-by-step "heart purification". The dreams interpreted by the author within the patristic learning play a role of a descriptive and symbolic analog of the character's spiritual experience. The dreams are revelation on the implication of bygone. These dreams are systematized, unified by a cross-cutting topic of the orthodox Christian's way of life and are meaningfully and structurally included in Ann's ascetic experience, her stepwise way of attainment of humility and "spiritual gifts". The author avoids "deviations" towards the aspects of human soulfulness. The dreams partly show character's psychological wellbeing. They become the signs of God's will, related to destinies of Orthodoxy in Russia. All the dreams are filled with Christian symbols such as the cross, Jacob's ladder, communion cup and the cup of affliction, church, icons, icon frameworks, images of the Saviour and Holy Virgin, Saint Sergius of Radonezh and Saint Prince Vladimir. The key meaning belongs to theme images of *cross, heart and spilled blood*. They are seen as the principal reference points on a Christian's way and as a guarantee,

an antidote against “pharisaical mind”. Dreams as the harbringers of the “unseen world” are closely connected with an epiphanical principle in depicting.

Keywords: spiritual prose, patristic tradition, orthodox ascetics, spiritual way, dreams, visions, Christian symbols, epiphany

References

1. Ignatij (Bryanchaninov D. A.), prelate. A Word About the Sensual and Spiritual Vision of Spirits. In: *Ignatij (Bryanchaninov D. A.). Polnoe sobranie tvorenyj* [Ignatius (Brianchaninov D. A.). Complete Collection of Creations]. Moscow, Palomnik Publ., 2002, vol. 3, pp. 5–66. Available at: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Ignatij-Bryanchaninov/pst-3-5-slovo-o-chuvstvennom-videnii-duhov.html> (accessed 15 May 2017). (In Russ.)
2. Ignatij (Bryanchaninov D. A.), prelate. *Sobranie sochinenij: v 7 tomakh* [Collected Works: in 7 Vols]. (Reprint of 1886). Moscow, Pravilo very Publ., Izdatel'stvo Donskogo monastyrya Publ., 1993, vol. 1: Ascetic Experience. 568 p. (In Russ.)
3. Ignatij (Bryanchaninov D. A.), prelate. *Sobranie sochinenij: v 7 tomakh* [Collected Works: in 7 Vols]. Moscow, Pravilo very Publ., Izdatel'stvo Donskogo monastyrya Publ., 1993, vol. 2: Ascetic Experience. 412 p. (In Russ.)
4. Ierofey (Vlakhos), Metropolitan. *Pravoslavnaya dukhovnost'* [Orthodox Spirituality]. Moscow, The Holy Trinity-St. Sergius Lavra Publ., 2009. 136 p. (In Russ.)
5. Mamardashvili M. *Lektsii o Pruste (psikhologicheskaya topologiya puti)* [Lectures on Proust (Psychological Topology of the Path)]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1995. 548 p. (In Russ.)
6. Prashcheruk N. V. The Ascetic Experience of Self-knowledge and the Problem of Creativity: About E. Dombrovskaya's Story “The Spring of Soul. Life Scenes of Ann, the Servant of God”. In: *Tserkov'. Bogoslovie. Istorija* [Church. Theology. History]. Yekaterinburg, The Yekaterinburg Theological Seminary Publ., 2017, pp. 180–186. (In Russ.)
7. Prashcheruk N. V. In the “School of Destruction”: On Contemporary Spiritual Prose. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, coll. 8, pp. 401–422. (In Russ.)
8. Prashcheruk N. V. An Experience of “Heart Purification” in Patristic Understanding: E. Dombrovskaya's Story “The Spring of Soul. Life Scenes of Ann, the Servant of God”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, issue 14, pp. 441–455. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482829654.pdf (accessed 15 May 2017). (In Russ.)
9. Prashcheruk N. V. *Khudozhestvennyy mir prozy I. A. Bunina: yazyk prostranstva* [The Artistic World of I. A. Bunin's Prose: The Language of Space]. Yekaterinburg, MUMTs “Razvivayushchee obuchenie” Publ., Fond “Sozidanie” Publ., 1999. 254 p. (In Russ.)

10. Slivitskaya O. V. "Tolstoy's Man" as a Dynamic Identity. In: *Russkaya literatura*, 2010, no. 4, pp. 3–14. (In Russ.)
11. Khoruzhiy S. S. "Ulysses" in a Russian Mirror. In: *Dzhoys D. Sobranie sochineniy: v 3 tomakh* [James Joyce. *Collected Works: in 3 Vols*]. Moscow, Znak Publ., 1994, vol. 3: "Ulysses": Novel, pp. 363–605. (In Russ.)
12. Chernyshevskiy N. G. "Childhood" and "Adolescence". Military Stories of Count L. N. Tolstoy. In: *Chernyshevskiy N. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [Chernyshevsky N. G. *Complete Works: in 15 Vols*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1947, vol. 3, pp. 418–459. (In Russ.)
13. Eykhenbaum B. *Molodoy Tolstoy* [Young Tolstoy]. Peterburg, Berlin, Grzhebin's Publ., 1922. 154 p. (In Russ.)